

*Е.Г. Сойни***МЯТЕЖНЫЕ ЦВЕТЫ В САДУ КАТРИ ВАЛА ¹**

В статье проанализированы образы цветов, сада и китайские литературные реминисценции в творчестве финской поэтессы Катри Вала, одной из ярких участниц литературной группы «Tulenkantajat» («Пламеносцы»). Цель работы – впервые в отечественном литературоведении исследовать образный мир стихотворений Катри Вала на протяжении всего творческого пути и соотнести его с поэзией Китая. Предметом изучения является лирика Катри Вала, в которой отмечено чередование поэтических ландшафтов, иногда перекликающихся, а иногда резко контрастирующих друг с другом. С использованием сравнительно-сопоставительного, типологического и историко-литературного методов проанализированы ее стихотворения и переводы в контексте сближения китайской и финской культурных традиций в сходных исторических ситуациях. Тема статьи актуальна как с литературоведческой, так и с исторической точки зрения. К. Вала обвиняли в эстетизме, в любви к экзотике. Автор статьи полемизирует с подобной точкой зрения, аргументируя это тем, что таким образом проявлялось глубинное осознание поэтессой причастности к традиции китайской поэзии эпохи Тан, которая присутствовала в творчестве Вала не только в виде «вознесения к цветам». С творчеством Ли Бо и Ду Фу поэтессу объединяла гражданская позиция: сочувствие простому народу, постановка остросоциальных проблем, обращение к теме гуманизма. В статье введены в научный оборот письма, хранящиеся в архиве Финского литературного общества, статьи из финской периодики 1920-х, свидетельствующие об основательном знании Катри Вала китайской поэзии. На убедительных примерах показано, что переводы Катри Вала дают финскому читателю полное представление о лирике Ли Бо и Ду Фу. Во всех ситуациях поэзия Вала была оптимистичной, и в ней навсегда сохранились литературные китайские реминисценции.

Ключевые слова: поэзия Финляндии, Катри Вала, Эдит Сёдергран, поэзия Китая эпохи Тан, Ли Бо, Ду Фу, сад, образ цветка, пламеносцы.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-451-461

Катри Вала (настоящее имя – Карин Алис Хейкель, 1901–1944) – ключевая фигура в финской литературе XX в. С Вала поэзия Финляндии обрела невиданную ранее страстность и наполнилась образными поэтическими формами. Лирика Вала «восхищала, зажигала и <...> раздражала», писали, что она не по-фински эмоциональна [Savutie 1967, 340]. Распространение верлибра в финской поэзии связывают, прежде всего, с именем К. Вала. Она не только стала новатором финской поэзии, но и отразила взгляды целого поколения, «которое питало надежды на более счастливую судьбу, но которому достался жребий быть выброшенным в стужу и мрак» [Edfelt, 1946, 9]. В стихотворениях Вала темы природы, материнства соседствуют с остросоциальными проблемами. Творчество Катри Вала преимущественно находится в контексте эпохи первого модернизма, на пересечении экспрессионизма и романтических веяний. Кроме того, одно из важнейших мест в её творчестве занимают аллюзии, отсылающие к китайской классической поэзии эпохи Тан (VIII в.). К творчеству поэтессы в контексте истории литературы Финляндии 1920-х – 1930-х гг. не раз обращалась критика как в Финляндии, так и в России [Карху 1984; Сааренхеймо 1966, 1984; Лайтинен 1981]. Поэзия и публицистика Вала в русле русско-финских литературных связей, ее сотрудничество с группой пламеносцев рассматривалась и в наших работах [Сойни 2017; Сойни, Маташина 2021]. Но тема цветов, сада, гуманизма в соотносительности с поэзией Китая на протяжении всего творческого пути поэтессы не было предметом специального анализа, хотя эта тема, несомненно, актуальна как с литературоведческой, так и с исторической точки зрения.

В монументальном труде «Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст» академик Д. С. Лихачёв отмечает, что мы всегда «можем заметить определённые признаки «стиля эпохи», которые в равной мере сказываются в садах и в поэзии, <...> «Обратная связь» с эпохой в садах и парках необычайно велика. Сад – это попытка создания идеального мира взаимоотношений человека с природой» [Лихачев 1998, 10–11]. По мнению учёного, взаимоотношение поэта и сада су-

¹ Статья выполнена в рамках госзадания КарНЦ РАН 2022.

ществует постоянно, как во времена Шекспира, так и сейчас, ведь «мотивы садового искусства в большинстве случаев повторяются и если исчезают, то только на время, чтобы потом вновь появиться. Меняется же эстетическое значение отдельных форм и мотивов в соответствии с «эстетическим климатом эпохи» [Лихачёв 1998, 10–11].

В литературе Финляндии тема отношения стихотворца к образу сада была особенно характерна для поэтов, близких к экспрессионизму. В отличие от неоромантиков начала века, воспевавших «в качестве антипода культуры первозданную лесную глушь с архаичкой примитивного, часто трагически неустроенного народного быта, <...> в экспрессионистской лирике символом земной красоты наряду с первозданной природой становится сад как нечто уже более окультуренное» [Карху 1990, 327].

Друг Катри Вала, поэт и писатель Олави Пааволайнен, открывает для неё эстетику Востока, которая увлекает молодую поэтессу, попавшую под влияние новых веяний и жаждущую новых впечатлений. Она не просто знакомится с экзотической культурой, но и окунается в неё с головой. Вместе с подругой Элиной Ваара создаёт наряды из чёрного шёлка, вышитые изысканными цветами на восточный манер, читает китайскую лирику и поэзию Рабиндраната Тагора, словно ей тесно в рамках одной лишь финской традиции. Сам Олави Пааволайнен сокрушается, что «его обвиняли и будут обвинять в том, что он испортил молодую Катри Вала экзотическим мусором и дешёвой романтикой» [Saarenheimo 1966, 188]. Но такова была сама её натура, максималистская во всём, что её интересовало и что позволяло ей выйти за границы самой себя и своего окружения. Так, в 1930-х она проникнется «левыми» идеями. Впрочем, судьба финского народа беспокоила её всегда.

Первый сборник стихов «Далёкий сад» Вала выпустила в 1924 г. не без трудностей. ««Уничтоженная земля» (Murhattu maa – первоначальное название книги. – Е. С.) уже две недели находится в [издательстве] “Отава”, – писала Вала брату в 1922 г. – Посмотрим, каков будет приговор» [Vala 1922].

Начало творческого пути Катри Вала совпало с переломным для финнов периодом: после русской революции и гражданской войны начиналось становление Финляндии как самостоятельного государства. Прежние этические и эстетические принципы уже не могли существовать. Войны и революции с кощунственной однозначностью опровергли состоятельность прежних идей. Значит, и в литературе необходимо искать новые ориентиры и пути. Боль и тяжесть пережитого отражены в исходном названии сборника и в одноимённом стихотворении «Уничтоженная земля»:

Чёрная и мёртвая
с опустошённой грудью <...>
лежит земля.

«Убитая земля».

Пер. Н. Матвеевой [Вала 1966, 29]

*Rinta tyhjänä,
mustana ja kuolleena, <...>
lepää maa
elämän murhaamana.*

(Murhattu maa)

[Vala 1977, 27]

Любопытно, что в 1922 г., когда Вала сдавала в издательство «Отава» рукопись под первоначальным названием «Уничтоженная земля» (Murhattu maa), в британском журнале The Criterion вышло одно из важнейших модернистских произведений XX в. – поэма Томаса Стернза Элиота The Waste Land, что можно перевести как «Пустынная земля» или «Бесплодная земля».

Шведоязычные авторы Финляндии раньше финнов уловили модернистские веяния. В первую очередь это относится к Эдит Сёдергран (1892–1923) и журналу «Ультра», с которым она сотрудничала. «“Ультра” в своей молодой силе! Это именно то, чего я ждала!» – пишет Вала брату [Vala 1922]. На страницах журнала, издававшегося на шведском и финском языках, поэтесса познакомилась с новинками европейской литературы и с классической китайской поэзией. В трех номерах за 1922 г. публиковались «Исследования о китайской поэзии» (Studier i kinesisk lyrik) за подписью В.Р. с цитатами из стихотворений в переводах Клабунда (Альфред Геншке 1890 – 1928). Автор «Исследования...» В. Р. (Bror Pettersson – Е.С.) находил в поэзии Китая «глубину чувств и ответы на самые возвышенные вопросы жизни», [В.Р., I, 28]. Мысль, что «именно жажда солнца, света и широкого горизонта заставляет нас искать дорогу из тесных ущелий» [В.Р., I, 28], нашла отклик в душе молодой поэтессы. В декабрьском номере «Ультра» [№8, 20 dec.] было опубликовано процитированное выше стихотворение Вала «Уничтоженная земля» еще под девичьей фамилией Ваденстрём [Vadenström, 102]. Стихотворение заканчивается все же на радостной ноте: Вала описывает «мерцание звезды среди крошечной тьмы» (*leimahtaa värisevä tähti, sysimustaan pimeyteen*) [Vala 1977, 28], словно иллюстрируя мысль о жажде света из статьи Б. Петтерссона о поэзии Китая.

Основательный интерес к поэзии Китая сблизил Вала с творчеством Эдит Сёдергран. Й. Эдфельт справедливо отмечал: «Обе поэтессы находились под сильным впечатлением от китайской и японской поэзии и живописи, что было заметно в стремлении к наивысшей концентрации в создании образного языка» [Edfelt 1946, 9]. Эдит Сёдергран «пригласила» молодую поэтессу в свой поэтический сад. «Из нашего тихого сада мы дадим миру новую жизнь» – так заканчивается стихотворение «Большой сад» (*Den stora trädgården*), в котором образ сада вырастает в символ прибежища для «всех бесприютных и сирых сестёр», для всех отверженных миром [Карху 1990, 327]. Он очень «здешний», в отличие от запредельного сада Вала. Лирическая героиня Сёдергран словно спустилась с небес на землю, из перевозданного неведения в грешный мир. В стихотворении «Деревья детства» (*Min barndoms träd*) она слышит укоры деревьев: «Ты выросла – и стала чужой нам...» [Карху 1990, 327]. С этим образом земли читатели познакомились после реальной смерти Сёдергран. «Земля, которой нет» (*Landet som icke är*, 1925) – так называется сборник стихотворений Сёдергран, изданный её подругой, писательницей Хагар Ульсон (Hagar Olsson, 1893–1978), в него помимо ярко-экспрессионистских стихотворений включены поздние, преисполненные «новой гармонии, приятия смерти и покорности судьбе» [Ahokas 1973, 408].

Можно сказать, что Катри Вала подхватила творческую эстафету Сёдергран, в лирике которой, по мнению Э.Г. Карху, эволюция темы сада могла развиваться в двух направлениях: в сторону чистой экзотики, условного романтического мира и в сторону социальности, «которая крепла и прояснялась в дальнейшем» [Карху 1990, 327–328]. Сёдергран ушла от романтических настроений сада детства, выросла из него, создавая новый мир, новую лирику, на которую уже ориентировались молодые поэты-экспрессионисты. Катри Вала примыкает к литературному объединению «Туленкантаят» (*tulenkantajat* – «пламеносцы»), впитавшему ряд экспрессионистских идей. И становится одним из центральных участников группы.

Есть нечто, объединяющее все сборники поэтессы, – это образный ряд лирики Катри Вала, которому она будет верна всегда. Та гармоничность, с какой этот образный ряд явлен в её стихах, позволяет назвать его скорее «образным садом», ведь речь идёт как раз о цветах и о цвете. В первом же стихотворении «Далёкого сада» мы находим первый цветок, который оказывается... луной:

луна выплывает...
словно большой изумленный цветок,
пахнущий свежестью ночи.
«Последний вечер апреля»
Пер. Н. Матвеевой [Вала 1966, 19]

ylenee kuu...
kuin suuri, hämmästynyt kukka
keltaisena ja raikkaana.
«Huhtikuun viimeinen ilta»,
[Vala 1977, 9]

Такое сравнение уже сблизает её с китайскими поэтами. Атмосфера стихотворения создаёт впечатление осеннего вечера у тихой реки в далёкой китайской провинции, на берегу которой сидит вдохновенный поэт. Почему же именно осенний, если осень – это символ преклонных лет, угасания жизни и тоски по минувшим дням, а стихотворение написано совсем ещё молодой девушкой? Уже в этом раннем стихотворении чувствуется тонкий настрой настоящего поэта, который сквозь вечернее настроение прозревает будущую грусть по тому, что никогда не вернётся:

Где же вы, песни вешних потоков...?
Где ты, время,
когда зелёная кровь травы
кажется алой?
[Вала 1966, 20]

Missä viipyvätään laulut...?
Missä viipyykään aika,
jolloin ruohon liian vihreä veri
näyttää miltei punaiselta?
[Vala 1977, 9]

Несмотря на то, что стихотворение называется «Последний вечер апреля» и речь в нём как будто идёт о весне, и впереди – май, но апрель-то уже позади. Тоска по нему исполнена такой глубины и силы (даже луна кажется «изумлённым цветком»), какую, казалось бы, мог ощутить лишь тот, кто оставил позади целую жизнь. Сразу же заметна аналогия со «Струящимися водами» Ли Бо (701 – 762):

В струящейся воде
Осенняя луна...
И лотос хочет мне

Сказать о чём-то грустном,
Чтоб грустью и моя
Душа была полна.
Перевод А. Гитовича [Ли Бо 1987, 118].

Об уходе весны пишет и Ван Вэй, другой великий поэт эпохи Тан. Здесь, как и у Катри Вала, весна внешняя соответствует внутреннему «увяданию» поэта. Так же, как Вала, Ван Вэй в стихотворении «Провожая весну» принимает неизбежность увядания цветов: «Так не будем грустить, / Что цветам облететь суждено» (Перевод А. Штейнберга) [Ван Вэй 1987, 82].

О поэтах Ли Бо и Ду Фу, которых академик Н. И. Конрад считал возможным называть поэтами китайского возрождения, в Китае говорили, что их поэзия «вознесена к цветам», «т. е. дана в поэтическом преображении человеческая личность, человеческая жизнь со всеми её горестями и радостями» [Конрад 1966, 72]. Время, в которое творили поэты, было, по мнению Н.И. Конрада, одним из переломных моментов в жизни человечества, а «творчество китайских поэтов VIII в. оставалось живым и нужным для их страны “на тысячелетие вперёд”, как мечтал Ли Бо» [Конрад 1966, 72].

Положение Финляндии в начале 1920-х напоминает ситуацию в Китае, упомянутую выше. Недаром эти поэты оказались настолько близки Вала, что в сборник «Возвращение» она включает свои переводы Ли Бо и Ду Фу. И, возможно, более всего финскую поэтессу сближает с их творчеством оппозиция земных печалей и горних цветов, к которым можно и нужно возносить всё самое ценное в жизни. Что касается «земного удела», то у Вала не ладилась работа в школе и были непростые отношения с коллегами-педагогами. У Ли Бо и Ду Фу не сложилась чиновничья служба, а ведь в Китае того времени она считалась не просто честью для поэтов, но многовековой традицией. Немногим лучше сложилась светская судьба Ван Вэя, и ему пришлось претерпеть множество испытаний и лишений. И тем не менее судьбы всех троих, равно как и финской поэтессы, были неразрывно связаны со служением – в первую очередь, своей стране, народу.

Как уже было замечено, первым цветком в «Далёком саду» Катри Вала явилась луна. И земля ответила ей – ярко, чувственно, осязаемо!

Земля изукрашена пышными гроздьями
лиловой сирени, инеем белым рябин,
созвездьями алых гвоздик.
Всюду цветы – синие, желтые, белые...
«Цветущая земля»
Перевод К. Еголина [Вала 1966, 23]

*Maa kuohuu syreenien sinipunaisia terttuja,
pihlajain valkeata kukkahärmää,
tervakkosten punaisia tähtisikermiä.
Sinisiä, keltaisia, valkeita kukkia...
Kukkiva maa
[Vala 1977, 13]*

Почему именно луну поэтесса первой «возносит к цветам»? Возможно, луну Катри Вала считает «крёстной матерью» для себя как поэтессы и для своей лирической героини, как если бы от неё она получила свой дар. В стихотворении «Мои первые мгновенья» рождение юной героини в северной Лапландии связывается с появлением на небе луны.

Тогда на одно мгновенье Земля перестала
жить
и лапландское солнце погасло на одно
мгновенье.
<...>
я лежала на груди моей бледной матери
под лучами рассветной луны!
«Мои первые мгновенья»
Перевод Ю. Мориц [Вала 1966, 33]

*Kaikki elämä oli silloin kadonnut
maasta,
ja Lapin aurinko miltei sammunut.
<...>
lepäsin vihdoin kalpean äitini rinnalla
aamukuutamossa.
Ensimmäiset hetkeni
[Vala 1977, 40]*

Сад Катри Вала разрастается, обновляясь всевозможными цветами и красками. Лирическая героиня может быть нежна с ними и жестока. Так, почти символистская красная лилия любви будет разорвана: «мы разорвали красную лилию / и растоптали горящий цветок» («Разрыв» – Еро) [Вала 1966, 42].

Вала в переносном и в буквальном смысле пытается «вознести к цветам» поэзию и жизнь:

Там дышит молодость моя, счастливая, как
цветок с чистой росинкой в глубине венчика
и с отражением звезды в глубине росинки.

«Моя хижина»

Перевод Н. Матвеевой [Вала 1966, 72]

*Siellä hengittää minun nuoruuteni
onnellisena kuin kukka,
jonka kuvussa kastepisara
heijastaa tähteä.*

Мажани [Vala 1977, 97]

Ещё один неуловимый образ цветения в Саду, который не увидать обыденным взглядом, тот факт, что всё увядает и меркнет. В этом нет ничего ужасающего: всё, что цветёт, рано или поздно отцветает – от этого желание жить разгорается ещё сильнее. Ли Бо, поэт эпохи династии Тан, грустит по облетевшим листьям; финская поэтесса чувствует единство и взаимопроникновение земного и небесного.

Удивительно, но в сочетании двух названий первого сборника Вала – окончательного («Далёкий сад») и первоначального («Уничтоженная земля») – можно узнать культовую даосскую дихотомию Инь-Ян, непрерывное динамическое взаимодействие которых порождает всю «тьму вещей». Китайский философ III в. Ван Би, комментируя классический трактат «Дао дэ цзин», поясняет это следующим образом: «И хотя человек может знать, как управлять мириадами вещей, но он не сможет это сделать, если не будет обладать двумя началами Дао (инь и ян)» [Мистерия Дао 1996, 305–306].

И, несмотря на то, что в случае Катри Вала выбор пал в пользу небесного принципа Ян (окончательное название – «Далёкий сад»), образ уничтоженной земли вполне определённо проходит через весь сборник. Этот образ реальный, горький и болезненный, но необходимый. В нём – ещё открытая рана, нанесённая родной стране; в нём – понимание, что всё земное преходяще; в нём – некая общечеловеческая интуиция. Поэтому данный образ вполне понятен, он универсален и транскультурен по меньшей мере для данной эпохи. Но почему «Далёкий сад»? Не «воздушный замок» или «небесный град», но «сад»?

С одной стороны сад – дело рук человеческих. Но с другой – в нём собраны творения природы. Сад – нечто живое, нечто настоящее. Кроме того, именно с садом связано начало человечества в христианской традиции. Интересную мысль по этому поводу находим у Фрэнсиса Бэкона: «Всемогущий Бог первым насадил сад. ... это самое чистое из всех человеческих наслаждений. Оно более всего освежает дух человека; без него здания и дворцы всего лишь грубые творения рук; <...> когда разовьётся цивилизация и вкус к изящному, люди научатся скорее строить красиво, чем насаждать прекрасные сады; <...> разведение садов – более тонкое занятие и требует большего совершенства» [Бэкон 1978, 456]. То, что это слова основоположника эмпиризма, делает высказывание ещё более значимым, ведь какова практическая польза сада? Вопрос риторический. Как бы то ни было, конкретно для китайского сада, в соответствии с даосской традицией, характерно минимальное и незаметное влияние на естественную красоту: вмешательство человека должно было идти не на «замену» элементов природного ландшафта, а на его «дополнение». Этот подход к формированию пространства воплотился позднее в философском принципе дао: через сложную работу вернуться к исходному (через ваение и лепку вернуться вновь к исходному материалу – камню, глине). Это означало, что все холмы и водоёмы, созданные руками человека в саду, должны выглядеть естественно, как в природе².

Впрочем, китайский традиционный сад – это отнюдь не «сад чистых наслаждений» Бэкона. Сад в Китае в период распространения буддизма был необходим человеку не для наслаждения, а для очищения. В статье «История становления, основные разновидности традиционного китайского сада» Е. Н. Поляков и Л. В. Михайлова в классификации пейзажей садового искусства Китая выделяют «устрашающий пейзаж», «смеющийся» и «романтический»: «В «устрашающем» пейзаже (тёмные рощи, нависающие скалы, бурные горные реки и т. д.) посетитель слышал гул подземной реки, пугался «вырванного с корнем дерева, преграждающего бурный поток». «Устрашающий» пейзаж обычно чередовался со «смеющимся» (широкие, ярко освещённые солнцем поляны, цветущие деревья и кустарники) <...>. «Романтический» пейзаж (спокойная гладь озера, пустынный берег, стройная сосна) навевал легкую грусть» [Поляков, Михайлова, 12–13].

Разнообразие образов «Далёкого сада» Катри Вала также напоминает путешествие по всевозможным поэтическим ландшафтам с пейзажами, иногда перекликающимися, а иногда резко контрастирующими друг с другом. Вообще можно и нужно отмечать значительную общность поэтического

² Подробнее о формировании ландшафта китайского сада: Hu Dongchu. The Way of the Virtuous. The Influence of Art and Philosophy on Chinese Garden Design. Beijing, New World Press, 1991, 119 p.

и садового искусства. Сад, как стихотворение, поэма или книга, говорит языком определённой эпохи, определёнными выразительными средствами, использует соответствующие техники, темы и приёмы.

Одной из главных в творчестве «пламеносцев» была идея борющегося гуманизма. Выраженная абстрактно, она тем не менее была толчком для развития последующей поэзии Финляндии. Конечно, эта идея была не нова. Непосредственный предшественник «пламеносцев» неоромантик Й. Линнанкоски в «Малом катехизисе» требовал от личности «гуманизма и сверхгуманизма!» [Linnankoski 1952, 659]. Как известно, ещё поэты эпохи Возрождения считали, что отличие их времени от Средних веков именно в гуманности (Humanitas), под которой понималось человеческое достоинство и влечение к знанию. В Китае с понятием гуманности связывалось слово *жэнь*³, «которым обозначали “человеческое начало”, самое высшее и ценное в бытии». Это китайское слово, по словам Н. И. Конрада, соответствует европейскому понятию «гуманность» «в том его значении, которое вкладывалось в него в эпоху Возрождения в Европе» [Конрад 1966, 158].

В сборнике «На причале земли» (1930) уже другой лирический герой – гуманист, «растворившийся» в природе, с одной стороны, а с другой, – в социуме и трудных реалиях периода мирового кризиса. Образы «смеющегося» сада уступают место саду «устрашающему», дикой природе и городским пейзажам. «В этом тёмном лесу... / Старайся ходить потише, / не разговаривай так горячо, / не спугни этих тёмных деревьев...!» («Перед приходом весны». Перевод Л. Тоома) [Вала 1966, 130]. В этом стихотворении Катри Вала предостерегает лирического героя от чрезмерной импульсивности, которая может нарушить миропорядок, словно следуя даосскому принципу Недеяния – У Вэй⁴, в котором заключена идея бережного отношения к Вселенной. Такой сдержанный, осторожный стиль пронизывает весь сборник – идёт ли речь о тёмном лесу или о суровых каменных джунглях: «Я в каком-то странном новом городе, / а зачем – не знаю» («На причале земли». Перевод Н.Матвеевой) [Вала 1966, 127].

Однако здесь, на причале земли, мы находим новые цветы, непривычные, необычные, неожиданные: «Самолёт! Ты – огромный рукотворный цветок / серебристо-белый блестящий ирис; / <...> Небо так близко, / божье око смотрит на рукотворный цветок. <...> Ты забыл на земле свой корень, / ты оставил внизу свой стебель, / и бутон твой живет одним прекрасным порывом: / вывьсь!» («Самолёту». Перевод И. Киуру) [Вала 1966, 149]. Образы становятся всё более осязаемыми и понятными: «Тихо парят / хлопья снега...: / чудятся цветы большие, белые...» («На причале земли») [Вала 1966, 127]. Ближится сбор урожая, и время собирать плоды, лирическая героиня обращается в чашу, чтобы утолить жажду своего возлюбленного:

Я собрала на земных лугах солнечный запах и цветочный нектар <...>

Букет из звезд, радость и печаль, одиночество и смерть. Выпей меня!

«Чаша» (Перевод наш. – Е.С.)

*Kokosin elämän niityiltä
auringon huuman ja kukkien meden, <...>
tähtien kukkia,
riemua, tuskaa,
yksinäisyyttä, kuolemaa.
Juo minut!*

Malja [Vala 1977, 227]

«Причалив к земле» в одном из рабочих районов Хельсинки, Катри Вала окунается в реальную действительность, сталкивается с проблемами простых людей – нищетой и безработицей. Поэтесса входит в литературную группу «Кийла» (клин), объединившую писателей с левыми взглядами, и начинает писать яркие политические статьи. Её мятеж созидательный, светлый, животворящий. И сама себя она называет «свирелью» (в русском переводе – флейтой):

³ Жэнь, jén (кит. 仁 [rén]– гуманность), основное понятие конфуцианской философии. Конфуций, придавший этому понятию значение универсальной добродетели, интерпретировал его как «любовь к людям». Мэн-цзы, высказавший афоризм «Ж. – это человек», подчёркивал межличностный характер данного понятия, сущность которого выражается в сфере общения между людьми. В философии неоконфуцианства понятию Ж. был придан, кроме того, и космологический смысл: оно стало интерпретироваться как любовь, лежащая в основе мироздания и объединяющая человека с небом и землёй [Hwa Yol Jung 1966, 169–188; Wingsit Chan 1967, 15–35].

⁴ Огромную роль в тексте [Дао-дэ цзин] играет категория «недеяния» (*у вэй*), под которым понимается невмешательство мудреца в естественный ход событий и природу сущего, поскольку подобное вмешательство противоречит естественности (*цзы жэнь*) Дао, порожденной им природе и характеру самого человека как существа свободного и единого с природой. [Торчинов Е. А. Даосизм. «Дао-дэ цзин». С. 95]

Нет, я не знаменосец
и не герой, зовущий в страны зорь:
я всего лишь флейта...

«Флейта» Перевод И. Киуру
[Вала 1966, 157]

*En ole lipunkantaja,
en kotkansydäminen tiennäyttäjää
matkallanne aamun maahan.*

Olen virran partaalla raju,
Pajupilli [Vala 1977, 267]

Этими строками открывается книга «Возвращение» (Paluu 1934). Название явно отсылает к стихотворению «Эмигранты», в котором говорится о собственном прежнем бегстве «в далёкий край, где жили цветы и нимфы», и о необходимом возвращении «к родному матерiku, затопленному кровью», по зову ребёнка – ради продолжения жизни, какой бы тяжкой она ни была. Но в этом настоящем мире она не более чем средство – свирель для мятежного духа света или Мост (что напоминает о метафоре моста от человека к сверхчеловеку у Ницше), но очень зыбкий: «Но я лишь мост, ненадёжный мост / на человеческом пути» («Мост». Перевод Л.Тоома) [Вала 1966, 184–185].

С другой стороны, «Возвращение» – это ещё и возвращение к корням. Об этом поэтесса пишет в статье «Кантеле или финский нож?»: «Я рискну всё же обратиться к “Калевале”... Вот где для нас великий указатель пути. Давайте уважать <...> мудрость и труд, презирать, как мы презираем злоязычие в духе Еукахайнена, глупость и чёрные мысли <...>, учиться на примере суровой истории Куллерво, чтобы не обойтись жестоко с народом нашим, не запечь камень в его хлеб <...> (Перевод наш. – Е.С.) [Vala 1981, 58].

И снова всплывают имена великих танских поэтов, с которыми Катри Вала объединяет гражданская позиция, сочувствие простому народу, тема гуманности. Вала приступает к переводам китайской поэзии эпохи Тан. Ею она увлекалась в молодости, любовь к ней пронесла через годы, её образы словно жили в сознании поэтессы, и настал момент, когда поэты Китая заговорили на её родном финском языке. Вала воспользовалась немецкими переводами Клабунда, с творчеством которого познакомилась еще в журнале «Ультра». Известный поэт-экспрессионист был знатоком и восторженным поклонником китайской поэзии. «Даже сегодня, – писал Клабунд в 1915 г. о Ли Бо, – он пользуется в Китае, классической стране грамотности, такой репутацией, какой нет даже у Гете среди немцев» [Klabund 1915, 47]. Большую известность получил сборник стихотворений Ли Бо в переводах Клабунда, изданный в 1915-м в Лейпциге. Из наследия Ли Бо Вала перевела пять стихотворений и у Ду Фу «Песню боевых колесниц» (перевод называется «Уход на войну» – Sotaan lähtö, что напоминает название известной картины Аксели Галлен-Каллела, написанной на темы «Калевалы»). Вала немного сократила оригинал Ду Фу, стараясь главным образом передать пафос китайского поэта, направленный в защиту совсем юных. Вала, подобно китайским братьям по перу, посвящает свою лиру осуждению войны:

*Jos vaimomme kerran kantavat lasta:
kun poikaa syntyis ei ainoasta!
On tytär hyvä naapurille avioksi antaa
kuin ruukku tyhjää. Pojat lahoon kaukana haudattomat...* [Vala 1977, 354]

(Наши жёны ждут младенцев: / лишь бы не родились сыновья! / Дочь хорошо бы отдать замуж за соседа / как кувшин... А парни будут лежать где-то далеко незахороненные...).

У Ли Бо Вала перевела произведения «В лодке», «Земной дом», «Четыре времени года», «Луна детства» «Зимняя война».

Одно из стихотворений Ли Бо «Луна детства» (Lapsuuden kuu), выбранных Вала для перевода, посвящено образам китайской мифологии. Вала обращает внимание на лунного зайца, «Прометея Востока», столь важного для китайской культуры:

*Siell' astui henget viirejänsä kantain,
kaneelipuu nous sulotuoksun antain,
ja keltajänö pani oivaa juomaa...* [Vala 1981, 363]
(Там шествовали духи, неся свои вымпелы,
Возвышалось коричневое дерево, издавая нежный аромат,
И желтый зайчик варил напиток...)

Согласно китайской мифологии лунный заяц толчет в своей ступке порошок бессмертия, заботясь о будущем человечества. «Китайский даосский лунный заяц обречен на вечное творчество и соиздание во имя спасения людей и всего живого» [Бондаренко 2012,16]. В стихотворении Ли Бо рассказывается о драконе, который съел луну и человека, пьющего заячий напиток. И тогда ночь поглотила землю.

*Ja häijyt linnut tähdet eineeksensä jakaa.
Jumalat surulliset pilvillänsä makaa ja tuutii.* [Vala 1981, 364]
(Наглые птицы делят звезды, чтобы наестся,
Грустные боги прячутся на облаках).

Дракон – символ императорской власти в танской поэзии [Скворцов, Кондратова 2021,321]. В этом смысле стихи Ли Бо приобретают явно антиимператорское звучание. Но, с другой стороны, сюжет о поедании луны встречается и в финно-угорской мифологии. Еще Микаэль Агрикола в 1551 г. упоминал о нем в поэтическом предисловии к «Псалтири Давида»: *Carpeet mös heilde Cuun söit* (Съедали Капеет лунный рог) [Карельские боги 2022, 14].

Лирический герой Ли Бо задает себе вопрос: «Кто бы уничтожил злых птиц»? Он согласен «воткнуть тонкую полоску месяца за пояс, словно кинжал» [Vala 1981,364], согласен на борьбу за возвращение света. Катри Вала дала финскому читателю глубинное и полное представление о лирике Ли Бо и Ду Фу. К переводам Вала можно в полной мере отнести слова видного русского переводчика и интерпретатора китайской классической поэзии А. Гитовича:

Я как бы видел древними глазами
Тревогу современников своих [Гитович 1978, 63].

В переводах Катри Вала китайских поэтов эпохи Тан сохраняются все формальные признаки и вместе с тем передана высочайшая поэтичность и пронзительность оригинала.

В письме Раоулю Пальмгрену, одному из основателей группы «Кийла», объединявшей писателей с левыми взглядами, Вала так определяет своё назначение: «Смысл моей борьбы в стихотворении “Восточные мудрецы (волхвы)”»: «Оставим мир нашей мудрости, отправимся по опасным дорогам в кипение света на грозную битву ради детей, ради нового утра...» [Vala - Palmgren 1932]. Стихотворение «Восточные волхвы» было написано в 1932 г. и опубликовано в альманахе «Кирьяллисуслехти», печатном органе группы «Кийла».

В 1942 г. вышел последний сборник К. Вала «Горит дерево с гнездами» (*Pesäpuu palaa*). Планета представляется поэтессе огромным деревом, на котором народы, словно птицы, свили гнёзда. Жизнь могла бы быть прекрасной, если бы это дерево не подожгли: *Puuni – hiekan syömät / Mykät, mustat huudot* «Keidas» [Vala 1977,390].

Сады мои, сады!
Остались
смерти –
от вас лишь немые стоны.
«Оазис»
Перевод И. Киуру [Вала 1966, 219]

Казалось бы, пришла зима, «молодая песня замёрзла... / Но горит сигнальным костром / красный огонь рябин». («Зима пришла». Перевод Л. Тоома) [Вала 1966, 220].

В этих строках образ из Сада Катри Вала – «красный огонь рябин» – соединяется с её светоносной миссией «борца за свет». «Символом народа Финляндии должно стать кантеле, а не финский нож, нашей жизненной задачей должна стать не война за территории, а борьба за свет», – пишет она в статье «Кантеле или финский нож?» [Vala 1981, 58] За пламеносцем должны последовать новые поэты, открывшие глаза, новые люди, дети, чтобы «растолкать сонный мир! / Утвержденное – / Ниспровергнуть! / Все на свете – перевернуть!» («Мир ребёнка». Перевод Н. Матвеевой) [Вала 1966, 225]. Небесный, Далёкий Сад обрёл плоть, вернулся на землю, ведь «цветок – это тоже материя, и насколько он красивее, чем у некоторых так называемая душа», – пишет поэтесса в статье «Деревянный конь Одиссея» [Vala 1981, 114].

На вопрос, что бы они хотели сделать, если бы вернулась молодость, Катри Вала и Ли Бо ответили почти одинаково. Ли Бо, находящийся в ссылке, мечтает, что, вернувшись, займется «лишь цве-

тами любимого сада» (Перевод А. Гитовича [Ли Бо 1987, 94]), Вала стала бы воспевать «прохладу подснежников». Оба остались верны идее «вознесения к цветам».

Катри Вала – один из самых своеобразных поэтов Финляндии. Ее стихи рождались на стыке разных традиций – неоромантизма, экспрессионизма, классической китайской поэзии. О чем бы она ни писала – о радостной юности, упоении жизнью, о счастье материнства или нищете рабочих кварталов, ее поэзия всегда отличалась «бунтом клеток», безоглядным жизнелюбием, щедростью красок и виртуозной техникой свободного стиха.

Даже в самые трудные годы поэзия Катри Вала оставалась чувственной, оптимистичной и жизнеутверждающей. При этом реминисценции из китайской лирики в своем творчестве она сохранила навсегда.

ЛИТЕРАТУРА

- Бэкон Ф.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. О садах / Ф. Бэкон. М., 1978. с. 456.
- Бондаренко В. Г.* Хранитель бессмертия. Лунный заяц в культуре Азии, Европы и Америки. / В. Г. Бондаренко. М.: Амрита, 2012. 128 с.
- Вала К.* Далёкий сад. Избранные стихи. Переводы с финского / К. Вала, сост. Бергман В., предисловие Д. Вааранди. М.: Художественная литература, 1966. 249 с.
- Ван Вэй.* Поэзия эпохи Тан, VII–XX вв. Библиотека китайской литературы / В. Ван, сост. Л. Эйдлин. М.: Художественная литература, 1987. 479 с.
- Карху Э. Г.* История литературы Финляндии XX век / Э. Г. Карху. Ленинград: Наука, 1990. 608 с.
- Карельские боги. Петрозаводск: Белколесье, 2021. 14 с.
- Конрад Н. И.* Запад и Восток: Статьи. / Н. И. Конрад. М.: Наука, 1966. 520 с.
- Ли Бо* Поэзия эпохи Тан, VII–XX вв. Библиотека китайской литературы / Бо Ли, сост. Л. Эйдлин. М.: Художественная литература, 1987. 479 с.
- Лихачёв Д. С.* Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. 3-е изд., испр. и доп. / Д. С. Лихачев. М.: Согласие, 1998. 471 с.
- Мистерия Дао. Мир «Дао дэ цзина» / сост., перев., иссл. и примеч. А. А. Маслова. М.: Издательство «Сфера», 1996. С. 305–306.
- Поляков Е. Н.* История становления, основные разновидности традиционного китайского сада. / Е. Н. Поляков, Л. В. Михайлова // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета, 2016. №6. С. 9–25.
- Скворцов А. В.* Анализ параллелизма и перевод на русский язык избранных танских стихотворений. / А. В. Скворцов, Т. И. Кондратова. М.: ВКН, 2021. 432 с.
- Сойни Е. Г.* Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века / Е. Г. Сойни. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 464 с.
- Сойни Е. Г.* Эпоха СССР глазами современных финских писателей / Е. Г. Сойни, И. С. Маташина // Ежегодник финно-угорских исследований, 2021, Т. 15. №3. С. 457–466.
- Торчинов Е. А.* Даосизм. «Дао-дэ цзин». Даосизм. «Дао-Дэ цзин». — 2-е изд. / Е. А. Торчинов, пер. Е. А. Торчинова. СПб.: «Азбука-классика», 2004. 256 с.
- Уитмен У.* Избранные произведения. / У. Уитмен. – М.: Художественная литература, 1970. 416 с.
- Ahokas J.* A history of Finnish literature. / J. Ahokas // Bloomington, Indiana University, 1973. 570 p.
- В. Р. [Bror Pettersson].* Studier i kinesisk lyric I-III / P. В. [Pettersson Bror] // Ultra, 1922. Vol.1. №2. sept. 30. p. 28-29.
- В. Р. [Bror Pettersson].* Studier i kinesisk lyric I-III / P. В. [Pettersson Bror] // Ultra, 1922. – Vol.1. № 4, oct.31. p. 60.
- В. Р. [Bror Pettersson].* Studier i kinesisk lyric I-III / P. В. [Pettersson Bror] // Ultra, 1922. Vol.1. №8, dec.20. p. 106–108.
- Bacon F.* Bacon's Essays, and Wisdom of the Ancients with a biographical notice by A. Spiers preface by B. Montagu, and notes by different writers Bacon Boston little, Brown, and company / F. Bacon // Cambridge, Mass.: The University Press, 1884. 470p. URL: https://www.gutenberg.org/files/56463/56463h/56463h.htm#Page_249
- Edfelt J.* Katri Vala/ J. Edfelt // Katri Vala. Tulipatsas. Muistojulkaisu. Helsinki, 1946. s. 9–12.
- Hu Dongchu.* The Way of the Virtuous. The Influence of Art and Philosophy on Chinese Garden Design. / Dongchu Hu // Beijing: New World Press, 1991. p. 7–30, 119.
- Hwa Yol Jung.* Jen: an existential and phenomenological problem of intersubjectivity / Yol Jung Hwa // Philosophy East and West, 1966. v. 16, 3-4. p. 169–188.
- Linnankoski J.* Vähä katekismus / J. Linnankoski // Kootut teokset I-III, –Helsinki, 1952, Osa III. 659 p.
- Li-Tai-Pe.* Nachdichtungen by Klabund / Li-Tai-Pe // Leipzig, Insel-Verlag. 1915. 47 p. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/klabund/litaipe/litaipe.html>

- Saarenheimo K. Katri Vala, aikansa kapinallinen / K. Saarenheimo –Porvoo: WSOY, 1984. 374 p.
Saarenheimo K. Tulenkantajat / K. Saarenheimo. Porvoo: WSOY, 1966. 303 p.
Savutie M. Katri Vala / Savutie M. // Suomen kirjallisuus. Helsinki, 1967. № VI.
Vadenström K. Murhattu maa / K. Vadenström // Ultra. – 1922.– Vol.1. – №8, dec.20. P. 102
Vadenström K. Kootut runot. Porvoo / K. Vadenström – WSOY, 1977. 600 p.
Vala K. R. Palmgren. Kirje ilman päivämäärää. SKS. Kirjallisuusarkisto № 355:45:1
Vala K. Suorasanaista 30-luvulta ja luvusta / K. Vala // Helsinki, 1981. 280 p. [In Finnish].
Vala K. E. Vala. Kirje 1922 // SKS Kirjallisuusarkisto №296:6:52 [In Finnish].
Wingst Chan. Neo-Confucianism: new ideas in old terminology // Philosophy East and West, 1967. v. 17. 1–4p. 15–35. [In English].

Поступила в редакцию 05.02.2022

Сойни Елена Григорьевна,
ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН,
185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11,
e-mail: elenasoini@gmail.com

E. G. Soini

REBELLIOUS FLOWERS IN THE GARDEN OF KATRI VALA

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-451-461

The article is devoted to the images of flowers, gardens and Chinese literary reminiscences in the work of the Finnish poetess Katri Vala, one of the most prominent members of the literary group «Tulenkantajat» («The Flame Bearers»). The purpose of the work is to explore for the first time in Russian literary criticism the literary images in the poetry of Katri Vala in relation to the Chinese poetry throughout the entire career of the poetess. The subject of study is the lyrics of Katri Vala, which contains an alternation of poetic landscapes, sometimes overlapping, and sometimes sharply contrasting.

Using the comparative typological and the historical-literary methods Vala's poems and translations are analyzed in the context of the convergence of Chinese and Finnish cultural traditions in two similar historical situations. The topic of the article is relevant both from a literary and historical points of view.

Katri Vala was accused of aestheticism, of a love of the exotic. The author argues with such point of view, and contends that in this way the Vala's deep awareness of self-involvement in the tradition of the Tang era Chinese poetry was manifested. This was presented in Vala's works not only in the form of «ascension to flowers». The poetess was united with the great Tang poets by her civic position, sympathy for the common people, the formulation of social problems, and an appeal to the theme of humanism. The article introduces into scientific use letters stored in the archives of the Finnish Literary Society, articles from Finnish periodicals of the 1920s, which all testify to Katri Vala's thorough knowledge of Chinese poetry. Convincing examples prove that the translations made by Katri Vala give the Finnish readers a complete picture of the lyrics of Li Bo and Du Fu. In all situations, Katri Vala's poetry was optimistic, and literary Chinese reminiscences were forever preserved in it.

Keywords: Finnish poetry, Katri Vala, Edith Södergran, Chinese poetry of the Tang era, Li Bo, Du Fu, garden, image of a flower, flame-bearers

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 3, pp. 451–461. In Russian.

REFERENCES

- Ahokas J.** *A history of Finnish literature.* Bloomington, Indiana University, 1973. 570p. In English.
B.P. [Bror Pettersson] *Studier i kinesisk lyric I-III* // Ultra, 1922, Vol.1, №2, sept. 30, p.28–29; № 4, oct.31, p. 60; №8, dec.20, p.106–108. [In Swedish]
Bacon F. O sadah [Of gardens] // *Literary works: in 2 v.* Moscow, 1978. V.2. p. 456. In Russian.
Bacon. F. *Bacon's Essays, and Wisdom of the Ancients with a biographical notice by A. Spiers preface by B. Montagu, and notes by different writers Bacon Boston little, Brown, and company.* Cambridge, Mass.: The University Press 1884. 470 p. URL: https://www.gutenberg.org/files/56463/56463-h/56463-h.htm#Page_249 . In English.
Bondarenko V. G. Khranitel bessmertiya. Lunnyi zayats v kulture Azii, Evropy i Ameriki [The Guardian of Immortality. The Moon Hare in the Culture of Asia, Europe and America]. Moscow: Amrita, 2012. 128 p. [In Russian].
Conrad N. I. Zapad i Vostok: statji [West and East: articles]. Moscow: Nauka, 1966. 520p. In Russian.
Edfelt J. *Katri Vala* // Katri Vala. Tulipatsas. Muistojulkaisu. Helsinki, 1946. s. 9–12. In Finnish

- Gitovich A. I.** Izbrannoye [Selected Works]. L.: Lenizdat, 1978. 76 p. In Russian.
- Hu Dongchu.** *The Way of the Virtuous. The Influence of Art and Philosophy on Chinese Garden Design.* Beijing: New World Press, 1991, p. 7-30, 119. In English.
- Hwa Yol Jung.** *Jen: an existential and phenomenological problem of intersubjectivity* // Philosophy East and West». 1966, v. 16, 3–4, p. 169–188. In English.
- Karhu E. G.** Istoriya literatury Finlyandii. XX vek [History of Finnish Literature. The 20th Century]. Leningrad: Nauka, 1990. 608 p. In Russian.
- Li Bo.** Poeziya epohi Tan, VII-XX century [Poetry of Tan dynasty, VII-XX v.] // *Biblioteka kitajskoj literatury* [Library of a Chinese literature], red. L. Ejdlin. Moscow: Hudozhestvennaya literatura [Fiction], 1987. 479 p. In Russian.
- Li-Tai-Pe.** *Nachdichtungen by Klabund.* Leipzig, Insel-Verlag, 1915. 47p.
URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/klabund/litaipe/litaipe.html>. In English
- Lihachev D.S.** Poeziya sadov: k semantike sadovo-parkovyh stilej. Sad kak tekst. [Poetry of gardens: to the semantics of landscape gardening styles. Garden as a text.]. 3-d edition. Moscow: Soglasije [Consent], 1998. 471p. In Russian.
- Linnankoski J.** *Vähä katekismus* // Kootut teokset I-III, Helsinki, 1952, Osa III, 659p. In Finnish.
- Misteriya Dao. Mir «Dao de czina»* [Mystery Tao. The World of «Tao Te Ching»] / sost., perev., issl. i primech. A.A. Maslova [compiled, translated, researched and noted by A.A. Maslov]. Moscow: Sfera publ., 1996, pp. 305–306. In Russian.
- Poeziya epohi Tan (VII-X v.).* [Poetry of the Tang era (VII-X century)] / comp. L. Eidlin. Moscow: Hudozhestvennaya literatura [Fiction], 1987. 479 p. In Russian.
- Polyakov E. N., Mikhailova L.V.** Istoriya stanovleniya, osnovnyye raznovidnosti traditsionnogo kitayskogo sada [The history of formation, the main varieties of the traditional Chinese garden] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta.* [Bulletin of the Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering] 2016, №6, pp.9–25. In Russian.
- Saarenheimo K.** *Katri Vala, aikansa kapinallinen.* Porvoo: WSOY, 1984. 374 p. In Finnish.
- Saarenheimo K.** *Tulenkantajat.* Porvoo: WSOY, 1966. 303 p. In Finnish.
- Savutie M.** *Katri Vala* // Suomen kirjallisuus. Helsinki, № VI. 1967p. In Finnish.
- Skvortsov A. V., Kondratova T. I.** Analiz parallelizma i perevod na russkiy yazyk izbrannykh tanskikh stikhotvoreny [Analysis of Parallelism and Translation into Russian of Selected Tang Poems]. Moscow: VKN, 2021. 432 p. [In Russian].
- Soini E. G.** Vzaimopronikновение russkoy i finskoy literatury v pervoj polovine XX veka [The Permeation of Russian and Finnish Literature in the First Half of the 20th Century]. Moscow: Izdatel'skiy dom YASK, 2017 [YASK Publishing House]. 464 p. In Russian.
- Soini E. G., Matashina I. S.** *Epoha SSSR glazami sovremennykh finskikh pisatelej* [The USSR through the eyes of modern Finnish writers // *Ezhгодnik finno-ugorskih issledovanij*, 2021 vol. 15. №3, pp. 457-466. In Russian.
- Torchinov E. A.** Daosizm. «Dao-de czin» [Taoism. «Tao Te Ching»] / 2-e izdaniye [2-d edition]. *Perevod E.A. Torchinova* [Translated by E.A. Torchinov]. St. Petersburg: «Azбука-klassika», «Peterburgskoje Vostokovedenije» [«ABC-classic»; «Petersburg Oriental Studies»]. 2004. 256 p. In Russian.
- Vadenström K.** *Murhattu maa* / Ultra, 1922, Vol.1. №8. dec.20. p.102 In Finnish.
- Vala K.** *Dalyokij sad. Izbrannye stihi* [Faraway garden. Selected poetry] red. V. Bergman. Moscow: Hudozhestvennaya literatura [Fiction], 1966. 249p. In Russian.
- Vala K.** *Kootut runot.* Porvoo, WSOY, 1977. 600 p. In Finnish.
- Vala K.** – Palmgrenille R. *Kirje Ilman päivämäärää* // SKS Kirjallisuusarkisto № 355: 45:1. In Finnish.
- Vala K.** *Suorasanaista 30-luvulta ja luvusta.* Helsinki, 1981. 280 p. In Finnish.
- Vala K.** – Valalle E. *Kirje 1922* // SKS Kirjallisuusarkisto №296:6:52. In Finnish.
- Van Vei.** *Poeziya epohi Tan, VII-XX vv.* [Tang Era Poetry, VII-XX Centuries]. *Biblioteka kitajskoy literatury* [Library of Chinese Literature]. Sost. L. Eidlin [Comp. L. Eidlin]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura [Fiction], 1987. 479 p.
- Whitman W.** *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura [Fiction]. 1970. 416 p. In Russian.
- Wingst Chan.** *Neo-Confucianism: novyye idei v staroj terminologii* [Neo-Confucianism: new ideas in old terminology] // Philosophy East and West, 1967, v. 17, 1–4, p. 15–35. In English.

Received 05.02.2022

Soini Elena Grigoryevna
 Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher,
 Institute of Linguistics, Literature and History
 of Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences,
 11, Pushkinskaya ul., Petrozavodsk, 185910, Russia
 E-mail: elenasoini@gmail.com